

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В статье рассматривается использование понятия «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России. Делается вывод о том, что понятие «политической культуры» прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны. Его использование как приносит важные научные результаты, так и сопровождается определенными издержками, свойственными «историографической моде». Констатируется необходимость дальнейшего развития данного концепта, уточнения его внутренней понятийной структуры и внешних связей с близкими понятиями. Необходимо построение исторического понятия политической культуры, в достаточной степени абстрактного и строгого, чтобы выполнять обобщающие функции, и в достаточной степени конкретного, чтобы не превращаться в пустой терминологический «бренд».

Ключевые слова: историография, историческая наука, политическая культура, научная терминология, революция 1917 года, гражданская война в России, методология истории

Политическая история, история правителей и законодателей, история междоусобиц и завоеваний начиная с античности была главной, а зачастую и единственной тематической областью историописания. В XIX веке в «позитивистской» исторической науке господствующее положение политической проблематики было обосновано теоретически и поставлено на надежную фактографическую, событийно-источниковую основу. Однако именно данные основания исторического знания и оказались в эпицентре критики в ходе «историографической революции», происходившей в западной исторической науке большую часть XX века¹.

Сущность радикальных перемен в западном историческом знании описал А.Я. Гуревич, один из первых отечественных сторонников и популяризаторов новой парадигмы. «Историки [...] стремятся пробиться к другому уровню исторической реальности

¹ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 2: Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.; Вып. 3: Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

— охватить повседневную жизнь людей из разных слоев общества, воссоздать [...] их взгляды и привычки сознания, их системы ценностей, определявшие их поведение, реконструировать картину мира, которая [...] налагала на их мысли и поступки неизгладимый отпечаток». Исследователь резко разделяет «новую историческую науку» и политическую историю: «Общественные отношения и институты, политические события не могут быть поняты, если историк не знает, каково было содержание духовной жизни людей, участвовавших в этих событиях». Далее он еще раз противопоставляет такие предметы исследований, как «решения правителей» и «эмоциональная жизнь людей, их меняющиеся настроения и стереотипы мышления, их верования и формы мировосприятия», отмечая, что «в действительности эти глубинные установки сознания и эмоциональной жизни несравненно более весомы, чем „броуново движение“ политической истории». «Центр тяжести в историческом исследовании явно смещается в сторону изучения человеческого сознания», — заключал А.Я. Гуревич¹.

Впрочем, все это было написано в послесловии к русскому изданию монографии М. Блока «Короли-чудотворцы», впервые опубликованной в 1924 году² и традиционно считающейся краеугольным камнем «новой исторической науки». А ведь это исследование посвящено именно истории политической власти. Потенциал политических «рецессивных генов», входящих в базовый код новой исследовательской парадигмы, в полной мере проявился позднее, когда с 1970-х годов французские, а затем и другие европейские и американские историки на новой основе стали возвращаться к политической проблематике. Выстроенная ими заново политическая история ныне определяет свое предметное поле как «изучение политической культуры общества в ту или иную эпоху»³.

Что касается советской исторической науки, то в ней политическая история всегда занимала центральное место. В марксистско-ленинской парадигме классовая борьба — ключевой

¹ Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с франц. М., 1998. С. 668.

² Bloch M. Les rois thaumaturges, étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg; Paris, 1924. VII+542 p.

³ Кром М.М. Историческая антропология. 3-е изд. СПб., 2010. С. 129.

процесс всемирной истории, а главное, самое важное событие в истории этой борьбы — Октябрьская революция, рождение советского государства и победа большевиков в гражданской войне. Это породило огромное количество историко-революционных и историко-партийных исследований, а ретроспективно ставило в центр внимания историю государственности и революционной борьбы на всех этапах развития российского общества.

История культуры занимала значительно более скромное место в общей иерархии исторического знания. Опираясь на тезис об «относительной самостоятельности духовной жизни общества»¹, советские гуманитарии были склонны изучать культуру как «автономную республику» в пространстве исторического прошлого². Пересечение культурных штудий с политической историей имело место прежде всего при изучении деятельности государственных институтов в области образования, искусства, науки и религии, то есть и сама культура понималась прежде всего институционально.

Впрочем, в инструментарий советского обществоведения входило и собственно понятие «политической культуры». Однако оно использовалось прежде всего при описании процесса агитационно-пропагандистского «распределения» идеологического «продукта»³, что воспринимается почти как омоним по отношению к термину западных социальных наук.

После деструкции марксистско-ленинской исторической науки многие отечественные историки в поисках источников методологического обновления обратились к наработкам актуаль-

¹ Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм / Ред. А.Д. Макаров и др. М., 1969. С. 193.

² Шрейдер Ю. Культура как фактор свободы // Новый мир. 1993. № 1. С. 242–246.

³ Горбунов В.В. Взгляды В.И. Ленина на становление политической культуры социализма // Вопросы истории КПСС. 1982. № 4. С. 32–34; Коган Л.Н., Вишневский Д.Р., Шапко В.Г. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск, 1982. 173 с.; Лисенков М.М. Политическая культура советского человека. М., 1983. 95 с.; Политическая культура социализма / Общ. ред. Л.Н. Коган. Фрунзе, 1984. 217 с.; Дегтярева Р.В. Деятельность КПСС по формированию политической культуры научно-технической интеллигенции в условиях развитого социализма. Л., 1985. 144 с.; Кондрусев И.В. Деятельность КПСС по формированию политической культуры рабочей молодежи в восьмидесятые годы: опыт и уроки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.; и др.

ного западного гуманитарного знания.

В 2001 г. американская исследовательница Л. Энгельштейн подвела некоторые итоги первого постсоветского десятилетия развития российской историографии. Статью с характерным названием «Повсюду „культура“» она посвятила яркой тенденции данного периода — моде на культуроцентрическую исследовательскую оптику. «Теперь историки склоняются к тому, — писала она, — чтобы видеть в культуре не отражение глубинных социальных структур и властных отношений, а наоборот — источник политических стилей и даже силу, руководящую судьбами наций. В качестве системы ценностей, знаков и условностей культура предоставляет „монтажный щит“ для личного и коллективного опыта... Культурные формации одновременно и стабильны, и изменчивы: они сохраняются во времени, но могут и возвещать об историческом переломе. Таким образом, культура представляется историкам стратегическим первоначальным пластом для их исследований»¹.

Таким образом, в каком-то смысле неизбежно, что концепт «политической культуры» обрел широкую популярность среди российских историков, изучающих историю властных взаимодействий, государственных институтов и общественных конфликтов. В какой-то степени он стал символом обновления теоретического инструментария в отечественной политической истории².

Однако как именно он «живет» в современной отечественной практике исторических исследований теперь, когда новизна его постсоветской интерпретации перестала быть столь яркой? Какие

¹ В английском тексте статьи употреблена иная метафора: там говорится о культуре как «стратегическом пропускном пункте исторических исследований» («strategic point of entry for historical research»). См.: *Engelstein L. Culture, Culture Everywhere: Interpretations of Modern Russia, across the 1991 Divide* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. No 2. Spring. P. 363–393; *Энгельштейн Л. Повсюду «культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX веков* // *Новая русская книга*. 2001. № 3–4. С. 107–121.

² *Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России* // *Исторические записки*. Вып. 4 (122). М., 2001. С. 370–397; *Он же. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы* // *Новая политическая история: Сборник научных работ*. СПб., 2004. С. 7–17; *Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе* // *Полис: Политические исследования*. 2006. № 5. С. 106–128; *Она же. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе* // *Политическая наука*. 2006. № 3. С. 7–30.

результаты приносит его использование? Как меняется он в историографическом обороте? Цель настоящей статьи — попытаться найти ответы на эти вопросы применительно к исследовательским публикациям последних пятнадцати лет, посвященным традиционно центральной теме политической истории России — истории революции и гражданской войны 1917–1922 гг.

* * *

В 2001 г., незадолго до выхода вышеупомянутой историографической публикации Л. Энгельштейн, вышла из печати монография Б.И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года»¹. Спустя одиннадцать лет книга была выпущена вторым, исправленным и дополненным изданием². Переиздание оправдано: исследование более чем востребовано, оно прочно вошло в научный и образовательный оборот, неоднократно упоминалось и анализировалось в историографических обзорах и специальных рецензиях³. Работу сопоставляли с широко известными исследованиями Л. Хант о французской революции⁴ и Р. Уортмана о политических ритуалах русской монархии⁵.

Как же выстраивает Б.И. Колоницкий понятие политической культуры в своем исследовании?

Вначале он приводит принадлежащую политологу Г. Алмонду и имеющую широкую известность трактовку политической культуры как свойственного каждой политической системе «определенного образца ориентаций на политическое действие».

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. 349 с.

² Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012. 320 с.

³ Витенберг Б.М. История и историки 1917-го: Прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 334–346; Николаева Е. Рец. на кн.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. 350 с. // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 385–388.

⁴ Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 251 p. (2th ed. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2004. 272 p.)

⁵ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995, 2000. V. 1. 469 p.; v. 2. 512 p. Рус. изд.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1. 605 с.; т. 2. 796 с.

Элементами этого «образца ориентаций» являются политические знания и представления, политические эмоции, политические оценки и нормы. Б.И. Колоницкий отмечает большой успех и широкое распространение понятийной новации. Причина этого такова: понятие «заполнило известный терминологический вакуум», возникший в изучении дестабилизированных политических режимов, процессы в которых было «невозможно описать, лишь исследуя формальные политические институты». Впрочем, далее констатируется, что единого понимания концепта политической культуры на сегодняшний день так и не выработано: понятие, введенное в оборот Г. Алмондом, трактуется различными авторами «совершенно по-разному»¹.

Однако разноречивость дефиниций не рассматривается Б.И. Колоницким как непреодолимое препятствие: «все же существуют некоторые общие положения, которые разделяются большинством ученых». Таких общих положений автор выделяет два: первым «важнейшим элементом политической культуры» он называет политическую традицию», другим «важнейшим компонентом» («бесспорной частью») политической культуры — «политические символы». К теоретическому понятию политической традиции автор более не обращается, сосредоточивая свое внимание на втором «компоненте» политической культуры. Автор выделяет пять функций политической символики: 1) идентификационную (символы конституируют политические сообщества); 2) демонстрационную (указывают на факт политических изменений); 3) мобилизации и легитимации (выступают как ресурс привлечения поддержки и оправдания целей и средств политических субъектов); 4) компенсаторную (замещают невозможные по каким-либо причинам реальные политические действия); 5) коммуникативную (выступают средством трансляции идеологием в массовое сознание)².

В обсуждение вопроса о том, какое место занимает сфера символов в политической культуре, автор не вступает. Он лишь указывает на существование точки зрения, рассматривающей политическую культуру как понятие, в целом тождественное политической символике, не поддерживая и не критикуя данную точку зрения. Б.И. Колоницкий предлагает посмотреть на политическую символику эпистемологически: политические символы, с

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 8.

² Там же. С. 11.

его точки зрения, служат «своеобразными ключами для интерпретации политических культур» для любого, изучающего политическую историю¹.

Исследователь выделяет также три обстоятельства, дополнительно обосновывающие необходимость изучения политической символики для историков революционной эпохи. Во-первых, в ситуации социальных потрясений имеет место «архаический синдром» — сужение сферы рационального и, напротив, рост значения чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, не делающего разницы между символом и тем, что он обозначает. Во-вторых, наряду с архаизацией общество революционной эпохи тяготеет к своего рода «знакоманию», вызванной тем, что оно напряженно ищет для поддержания социальных связей «новые формы». Символы как раз и закрепляют, оформляют эти новые социальные практики. В-третьих, политическая борьба как таковая, а также ее этапы, особенности и техника отражаются в динамике системы господствующих символов, а символы выступают как инструмент и как фактор реальных политических конфликтов². Таким образом, Б.И. Колоницкий видит в исследовании политической символики три важнейшие возможности. На внешнем уровне — изучение политического процесса (почти традиционная политическая история с вниманием к событиям и их механизмам), на внутреннем — изучение глубинного содержания этого процесса в двух его появлениях — деградиационном и творческом.

Впрочем, наибольший интерес представляет то, как данные принципы реализовались в самом исследовании.

Монография состоит из трех глав, каждая из которых посвящена различному кругу проблем. В первой, через призму символики, рассмотрен процесс революционной смены власти. Во второй и третьей исследуются процессы отрицания прежних символов и становления новой символической системы соответственно.

Первая глава имеет сложную тематическую структуру. Собственно февральско-мартовским событиям в Петрограде посвящен лишь ее первый параграф. Следующей темой становится анализ феномена так называемых «праздников свободы» (организованных новыми властями торжественных мероприятий). В заключении главы

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 10.

² Там же. С. 12–13.

рассматриваются религиозные составляющие в символике «нового режима», и прежде всего — пасхальная метафора революции.

Авторскую логику данного расположения таких на первый взгляд разнородных тематических блоков можно реконструировать следующим образом. Скоротечное восстание в Петрограде рассматривается автором прежде всего через призму двух переплетающихся тем — специфической политико-семиотической топографии города на Неве и «музыки революции» — прежде всего революционных песен. Отсутствие серьезного сопротивления «сил старого режима» с самого начала привело к тому, что для множества участников вовлеченность в революционные действия носила ритуальный, имитационно-символический характер.

Второй параграф описывает этот же процесс, но уже в масштабе всего государства. «Символическая революция», приходя из столицы на места «по телеграфу», и там воспроизводилась как ритуал, как имитация реальности, но не реальность: организованные новыми (а в армии и на флоте — старыми) властями «праздники свободы» должны были придать верхушечным процессам форму *res publica*, «общего дела». Эти «праздники» (функционально сопоставимые с торжествами монархических коронаций) модулировали идейное содержание последующего политического процесса.

Третий параграф, возможно самый новаторский в книге, переводит исследовательское внимание с «целого» политического процесса (восстания ли, распространения ли революции вширь) на его один, но важнейший с точки зрения политической культуры аспект. Он рассматривает религиозные, конкретно — православно-христианские способы «оформления» революционного процесса. Хотя этому материалу могло найтись место и во второй и в третьей главах, нельзя не признать композиционное решение Б.И. Колоницкого удачным: описав возникновение революции и ее распространение «вширь», автор теперь обращается к ее проникновению «вглубь», к основаниям, к фундаментальным уровням российской социокультурной матрицы.

После этого обретает адекватный исторический масштаб материал двух последующих глав: «негативной» и «позитивной», посвященных низвержению старых и утверждению новых символических форм. Здесь для понимания авторской концепции также важна структура повествования.

Вторая глава состоит из пяти параграфов, описывающих низвержение прежних государственных символов, обладавших пра-

новым статусом (герб, флаг, гимн), военных символов (знамена, флаги), «художественных» государственных символов (царских портретов и памятников), «персональных» воинских символов (форма одежды, знаки различия, знаки отличия), а также один из видов языковой символики — официально закрепленным названиям (также штатским и военным).

Первый параграф третьей главы имеет подобную структуру. Автором в нем выделены четыре пункта, описывающие общественную борьбу за новый (красный) флаг, за новый гимн («Марсельеза» vs «Интернационал»), за новое титулование («граждане» vs «товарищи») и вокруг образа «вождя» революции.

В чем бросающаяся в глаза разница описаний двух символических систем? Свергаемая представлена двумя стройными, юридически выверенными, структурно организованными символическими «наборами»: общегосударственным и военным. Утверждаемая — во всех своих частях неизменно «двоится», сам процесс ее становления есть не только борьба со старой системой, но и напряженное противоборство внутри системы новой, между разными версиями революционной символики. Несовпадения отдельных пунктов двух наборов вызваны, скорее, не отсутствием материала, а авторским замыслом. Так, среди свергаемых символов разительно отсутствует фигура царя, предшествующая фигуре революционного вождя. Это, вероятно, вызвано тем, что сложность и значимость данного политического образа потребовали от автора его монографического исследования¹.

Следующая часть третьей главы посвящена коммерческим механизмам распространения революционной символики. В завершение рассматривается проблема восприятия времени в революции. Автору удается наглядно показать, насколько эсхатологической была свойственная послефевральской России концепция «революционного времени». Хотя термин «хронотоп» не используется автором, характерно «обрамление» текста книги темами пространства революции и ее времени. Такая композиция обеспечивает концептуальную «рамку» монографии.

Результаты исследования интересны и глубоко. Б.И. Колоницкий приходит к выводу о совершенно исключительной роли в «символической революции» особого феномена — субкультуры

¹ Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с. (Серия Historia Rossica).

революционного подполья. Эта субкультура — радикальная, эсхатологически настроенная — после Февраля монополизировала символическую сферу России. Либералы не предлагали своим сторонникам в 1917 г. своих особых символов; прежние, монархические государственные символы были глубоко дискредитированы. Субкультура подполья, во взаимодействии с рядом других субкультур (интеллигенции, «сознательных рабочих» и др.) сумела наложить глубокий отпечаток на национальную политическую культуру, в значительной степени переформатировав ее. Успехи большевиков и их союзников в «символической революции» существенно облегчили им борьбу за власть¹.

Итак, с одной стороны, понятие политической культуры в монографии Б.И. Колоницкого играет роль «внешней рамки», «фона» для предмета непосредственного исторического исследования — сферы политических символов. В принципе это отражено и в подзаголовке монографии: формулировка «К изучению политической культуры...» не подразумевает реконструкции всей системы политической культуры изучаемой эпохи в целом. С другой стороны, исследователь выявляет структуру и функции связанной с символами части политической культуры и политической практики. Он отмечает ведущую роль символов в процессах самоорганизации стихийной политической активности масс. Наконец, важным результатом исследования является выделение в рамках национальной политической культуры особых образований — политических субкультур, часть из которых взаимодействуют друг с другом и способны, в определенных исторических условиях, выступить фактором радикальной трансформации политико-культурной сферы в масштабе общества в целом.

* * *

В 2003 г. в Омске была опубликована первая часть исследования А.А. Штырбула под многообещающим названием «Политическая культура Сибири»². Спустя пять лет вышло из печати второе, дополненное издание монографии, включавшее сразу обе части³.

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 304–311.

² Вторая часть, видимо, тогда так и не была издана. См.: Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая четверть XX века) / Науч. ред. В.Д. Полканов. Ч. 1: Конец XIX века — февраль 1917 года. Омск, 2003. 243 с.

³ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной

По содержанию данная публикация представляют собой прежде всего обобщение фактического материала по истории политических партий в Сибири, а в источниковом отношении в значительной степени опирается на работы предшественников. Главная цель исследования сформулирована следующим образом: «проследить в комплексе и взаимосвязи всю историю сибирской многопартийности от ее генезиса до исчезновения, ухода с политической сцены»¹.

В структурном отношении монография разделена на две хронологические части по рубежу февраля 1917 г. Причем первая часть организована по проблемно-хронологическому принципу, а вторая — по чисто хронологическим основаниям. В первой части нашлось место для отдельного рассмотрения вопросов социальной структуры сибирского общества, политического экстремизма и политических компромиссов, региональных аспектов парламентаризма, взаимодействия партийных структур и власти. Во второй части все эти проблемы растворены в хронологически организованном повествовании. Однако нас интересует трактовка автором концепта «политическая культура» и причины обращения к нему.

Термин, вынесенный в заглавие книги, во введении к ней встречается один раз, а именно в следующем определении: «Партийно-политическая деятельность — одно из высших проявлений общественной самоорганизации и политической культуры общества». Далее А.А. Штырбул добавляет следующую ремарку — «Разумеется, в части культуры речь должна идти о более-менее цивилизованных формах проявления этой деятельности»². Это все, что автор сообщает читателю о своем понимании данного концепта. Поразительно, но в тексте заключения понятие «политическая культура» отсутствует вовсе.

В 2015 г. в небольшой публикации, также содержащей в своем названии словосочетание «политическая культура», А.А. Штырбул несколько более подробно высказался о данном понятии. «Политическая культура, — пишет он, — часть общей культуры в целом. К политической культуре относятся традиции и опыт таких явлений, как политический плюрализм (многопартийность), в том числе партийно-политический блоклизм; политическое ли-

многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.) / Науч. ред. М.В. Шиловский. Омск, 2008. 612 с.

¹ Штырбул А.А. Политическая культура... Омск, 2008. С. 7.

² Там же. С. 7.

дерство; обеспечение властью политических прав населения и способность самого населения к реализации этих прав на практике (как путем парламентаризма, так и иными путями); социально-политическое (в том числе государственное) творчество».

Затем автор выдвигает далеко небесспорный тезис о том, что «политическая культура страны не в последнюю очередь складывается из политической культуры регионов»¹. Далее следует фактографический очерк истории политических организаций Омска и сопредельных территорий Прииртышья на протяжении первой четверти XX века. Возникает вопрос: а при чем здесь вообще «политическая культура»?

Итак, можно понять, что для данного автора культура приравнивается к некоей стандартной «цивилизованности» и иерархически делится на «высшую» и «низшую». Нельзя не отметить, что подобный подход вступает в конфликт с принципом историзма, с ориентацией на *понимание* исторической реальности и неизбежно ведет к модернизации, к искаженной интерпретации изучаемых явлений.

Кроме того, политическая культура рассекается на региональные «фрагменты». При этом, даже если исходить из авторских формулировок, совершенно неясно, чем «партийно-политический блоканизм», например, на Кавказе в культурном отношении отличался от этого же явления в Сибири? Если существование феномена особой, отличной от других частей России политической культуры в сибирском макрорегионе вызывает сомнение и нуждается в доказательствах, то попытки приписать таковую населению Среднего Прииртышья выглядят уже совершенно фантастическими.

Наконец, сам концепт «политической культуры» очевидным образом используется А.А. Штырбулом лишь в декоративно-имитационном качестве. Он просто не нужен для достижения поставленной цели теми средствами, которыми пользуется автор. Перед нами явный случай злоупотребления «историографической модой».

* * *

Для ряда исследователей характерно желание сузить, конкретизировать понятие политической культуры через исследование ее версий, свойственных отдельным социальным группам.

¹ Штырбул А.А. Политическая культура Омска и Среднего Прииртышья первой четверти XX века // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (76). С. 147.

Так, М.В. Пономарев ставит вопрос об исследовании «политической культуры православного духовенства Царицынской епархии» в 1917–1930-х годах¹. Далее он употребляет по отношению к ней термин «субкультура» и говорит о необходимости выявления ее «региональной специфики». Таким образом автор проводит две ограничивающие операции: по критерию социальной стратификации (духовенство) и по территориальному критерию (Царицынская епархия).

В результате к региональной специфике автор относит «склонность к конформизму среди массы клириков, большую степень распространения радикальных идей в среде сельского, а не городского духовенства». Остается совершенно непонятно, как *специфичность* черт такого рода для Царицынской епархии можно убедительно обосновать на материалах *одного* региона.

Иначе ограничивает предмет своего исследования С.В. Макаrchук². Он не только выделяет особую группу — членов социалистических партий, не только берет обширный макрорегион — восток России, составлявший в годы гражданской войны единое политическое пространство, но и выделяет конкретный элемент политической культуры — компромисс как ценностную установку. Такая оптика выглядит более корректной и более перспективной, тем более что региональные ограничения материала не приводят к региональным ограничениям постановки вопросов. К сожалению, С.В. Макаrchуку не удалось избежать другого недостатка — использования модернизирующей, не историчной терминологии. Применение современного термина «толерантность» навряд ли уместно в исследованиях эпохи 1917–1922 гг., по крайней мере без особого обоснования и расшифровки.

Впрочем, вполне возможен и региональный масштаб исследования политической культуры, как это сделано в статье Д.В. Колчинского³. Ограничивая территориальные рамки своего исследо-

¹ Пономарев М.В. Политическая культура православного духовенства России в 1917–1930-е гг.: центр и провинция. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010.

² Макаrchук С.В. Социалисты на востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале гражданской войны // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23.

³ Колчинский Д.В. Формы самовыражения массовой политической культуры в 1917 г. (по материалам Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Вып. 3 (143).

вания, автор не ставит вопрос о специфике, но в итоге делает вполне обоснованные выводы, хотя и идущие в основном в русле концепции Б.И. Колоницкого.

Перспективен подход, реализуемый в серии публикаций Д.Н. Шевелева¹. Он исследует прежде всего тот аспект сферы политической культуры периода гражданской войны, который связан с «конкурентной борьбой за гегемонию символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине»². При этом важное внимание уделяется анализу бинарных мифологических оппозиций, свойственных пропагандистскому дискурсу, вообще анализу различных устойчивых образов, составлявших мыслительный каркас как политической пропаганды, так и, в определенной степени, государственной практики.

Итак, понятие «политической культуры» прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны. Его использование как приносит важные научные результаты, так и сопровождается определенными издержками, свойственными «историографической моде». В процессе использования, концепт претерпел определенные трансформации.

Потенциал его дальнейшего развития, востребованный исследовательской ситуацией, связан прежде всего с уточнением внутренней понятийной структуры и внешних связей с близкими

¹ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.). Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2012. 48 с.; *Он же*. Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования: Программа и тезисы. Томск, 2014. С. 225–228; *Он же*. «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы: Российский исторический журнал (Сочи). 2014. № 33 (3). С. 348–353; Шевелев Д.Н., Конев К.А. Тема Великой войны во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин: Международный исторический журнал. Кишинев, 2014. № 3 (37). С. 167–181.

² Шевелев Д.Н. Структурирование... С. 226.

понятиями. Необходимо построение *исторического* понятия политической культуры, в достаточной степени абстрактного и строгого, чтобы выступать в своей обобщающей функции, и в достаточной степени конкретного, чтобы не превращаться в пустой терминологический «бренд». В противном случае ему грозит «большое кладбище концептов, которые долго использовали, а потом похоронили, не проведя аутопсии»¹.

¹ *Лильти А.* Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 195.